

Посвящается Патрику Гейлу

Не сражайся с чудовищами,
Пока не стал чудовищем сам,
И если ты в бездну заглянешь —
Бездна заглянет в тебя.

Фридрих Ницше

КОНЕЦ

— ШУМ ВЫДАЕТ ТЕБЯ, ТОДД ХЬЮИТТ.

Голос...

Во тьме...

Я моргаю, открываю глаза. Все расплывается кругом тени мир плавно вращается в крови слишком горячо в мозгах вата невозможно думать темно...

Я снова моргаю.

Стой...

Нет, *стой*...

Вот сейчас, вот только *сейчас* мы были на площади...

Только шшто она была у меня на руках...

Умирала у меня на руках...

— Где она? — выплюнул я в темноту.

На языке кровь, голос треснутый, Шум внезапно взмывает ураганом, высоко, ало и яростно.

— *ГДЕ ОНА?*

— Спрашиванием здесь занимаюсь я, Тодд.

Этот голос.

Его голос.

Где-то во тьме.

Где-то за мной, невидимый.

Мэр Прентисс.

Я снова моргаю. Сквозь мглу начинает проступать обширная комната. Единственный источник света — окно, большой круг, да-

леко и высоко вверху, стекло не прозрачное, а раскрашенное: наш Новый мир и две его луны. Свет наискось падает на меня — только на меня, больше ничего не видно.

— *Што вы с ней сделали?* — спрашиваю я вслух, громко, смаргивая потекшую в глаза свежую кровь.

Тянусь стереть ее, но руки связаны за спиной. Паника я принимаюсь биться рваться в веревках дыхание частит я снова ору:

— *ГДЕ ОНА?*

Из ниоткуда обрушивается кулак и бьет меня в живот.

Я сгибаюсь пополам и тут только понимаю, шшто привязан к деревянному стулу ноги — к его ножкам рубашка осталась где-то на пыльном холме меня рвет на пустой желудок ага внизу ковер все с тем же рисунком Нового света и лун он повторяется повторяется тянется хрен знает куда не заканчивается...

Я вспоминаю: мы были на площади... на площади, куда я прибежал, притащил ее, уговаривая не умирать, уговаривая жить, жить, пока мы не окажемся в безопасности, в Убежище, шштобы я мог ее спасти...

Но никакой безопасности не случилось и никакого спасения тоже а случились только он и его люди и они ее у меня *забрали* они ее *вынули* прямо у меня из рук...

— Вы обратили внимание: он не спрашивает, *где я?* — сказал голос мэра, плывя себе куда-то там, в темноте. — Его первые слова были «Где она?» И, заметьте, Шум говорит то же самое. Любопытно.

Голову у меня дергает болью и живот тоже, я еще немного прихожу в себя и вспоминаю... я с ними *дрался!* дрался, когда они ее у меня отобрали... пока мне не прилетело прикладом в висок и не выкинуло во тьму...

Я проглотил ком в горле, а вместе с ним панику и страх... постарался, по крайней мере...

Потому шшто это же все равно конец, правда?

Конец всему вообще. Мэр меня поймал.

И ее.

— Если вы сделали ей больно...

В животе было еще больно от тумака.

Передо мной стоял мистер Коллинз, наполовину в тени. Мистер Коллинз, который растил пшеницу и цветную капусту и смотрел за мэрскими лошадьми, теперь стоял надо мной с пистолетом на взводе, с ружьем за спиной, и его кулак уже взлетал, шштобы сно-ва мне врезать.

— Ей и так уже крепко досталось, Тодд, — сказал мэр; кулак завис в воздухе. — Бедняжка.

Кулаки у меня сжались в пугах. Шум был весь какой-то комковатый и битый, но все равно взвился при одном воспоминании о наставленном на нас ружье Дэйви Прентисса... о Виоле, падающей мне в руки... о том, как она истекает кровью, хватается воздух ртом...

А потом он стал еще краснее, потому шшто я вспомнил, с каким ощущением мой собственный кулак въехал Дэйви в рожу... как Дэйви полетел с коня... как конь поволок Дэйви прочь с застрявшей в стремени ногой, точно какую-нибудь падаль...

— Ага, — сказал мэр. — Это, по крайней мере, объясняет таинственное отсутствие моего сына.

И, што самое странное, голос звучал так, словно это его почти... *позабавило*.

Но только звучал. Только голос — более острый, четкий и звонкий, чем когда-то в Прентисстауне... потому шшто ништо, большое ништо, которое я от него впервые услышал, когда бежал в Убежище, никуда не делось — оно все еще было здесь, в комнате или што это там у них еще, и рядом с ним зияло еще одно такое же громадное ништо, от мистера Коллинза.

У них обоих не было Шума.

Ни у кого.

Единственный Шум в комнате — мой, и он выл, как раненый телок.

Я попытался вывернуть шею и посмотреть, где там мэр, но это оказалось слишком больно, и я только понял, што сижу в единственном пыльном, разноцветном луче солнца посреди комнаты, такой большой, што стен вдалеке почти не видно.

А потом я разглядел-таки во мраке столик — но слишком далеко, шштобы различить, што на нем лежит. Но што-то на нем точ-

но лежало. Блестел металл, обещая такое, о чем и думать-то не захочешь.

— Он все еще называет меня в мыслях мэром, — сказал голос, легкий и приятно-заинтересованный, как и прежде.

— Президент Прентисс, мальчик, — прорычал мистер Коллинз. — И хорошо бы тебе это запомнить.

— Што вы с ней сделали? — снова начал я, вертясь так и сяк и морщась от боли в шее. — Если вы *тронули* ее хотя бы пальцем, я вас всех...

— Ты прибыл в мой город только сегодня утром, — перебил меня мэр. — Безо всякого багажа и даже без рубашки, только с девушкой на руках, пострадавшей от ужасного несчастного случая...

Мой Шум взревел.

— Это не *несчастный случай*...

— Очень серьезный несчастный случай, — продолжал мэр с легким нетерпением, которое я от него впервые услышал еще на площади. — Настолько серьезный, что она сейчас при смерти. И вот перед нами мальчик, на поиски которого мы потратили столько времени и сил, мальчик, причинивший нам столько хлопот, — и он *добровольно* предает себя нашей воле и готов сделать что угодно, лишь бы мы *спасли девушку*. А когда мы именно это и пытаемся сделать...

— С ней все в порядке? Она в безопасности?

Мэр умолк, а мистер Коллинз шагнул вперед и вытянул меня тыльной стороной ладони поперек физиономии. Целую долгую секунду жалаящая боль растекалась по щекам. Я сидел, пыхтел, молчал.

В круг света прямо передо мной шагнул мэр.

Все так же с иголки одетый, хрустящий, отутюженный, чистый, словно подо всем этим и нет никакого человека, словно это такая ходячая-говорящая глыба льда. На мистере Коллинзе вон и пятна пота, и грязь, и запах соответствующий, но на мэре — нет. Только не на нем.

Рядом с мэром ты неизбежно похож на кучку пыли, которую всего и делов-то, што вымести поскорее.

Он наклонился, штобы заглянуть мне прямо в глаза.

И спросил, словно просто из любопытства:

— Как ее зовут, Тодд?

— Што?! — Я заморгал, не понимая.

— Как ее зовут? — повторил он.

Он должен был знать ее имя, оно наверняка у меня в Шуме висит...

— Вы сами знаете, — огрызнулся я.

— Я хочу, чтобы ты мне сказал.

Я перевел взгляд с него на Коллинза. Тот стоял, скрестив руки на груди, и даже не пытался спрятать выражение рожи, которое одно радостно свалило бы меня на землю, без помощи рук.

— Еще раз, Тодд, — светло сказал мэр, — и буду очень признателен, если ты мне ответишь. Как ее имя? Этой девочки из иного мира.

— Если вы в курсе, што она из иного мира, — возразил я, — то уж точно должны знать, как ее звать.

И тут мэр улыбнулся. То есть по-настоящему взял и *улыбнулся*.

И это напугало меня больше, чем все остальное вместе взятое.

— Это так не работает, Тодд. Я задаю вопросы, ты отвечаешь. Итак. Как ее имя?

— Где она?

— Как ее имя?

— Скажете, где она, и я скажу имя.

Он вздохнул, будто я его крупно подвел. Кивнул Коллинзу. Тот выступил вперед и ответил мне еще раз под дых.

— Это очень простой обмен, Тодд, — пояснил мэр, пока меня рвало на ковер воздухом из пустого желудка. — Все, что тебе нужно сделать, — это ответить на мой вопрос. И все закончится. Очень простой выбор. У меня нет никакого желания причинять тебе боль, честно.

Я тяжело дышал, перегнувшись вперед; от боли в животе никак не получалось глотнуть достаточно воздуха. Я всем весом висел на веревках, чувствовал кровь на лице, липкую, подсыхающую, в глазах у меня подплывало от этого пятна света посреди целой комнаты тьмы... комнаты, из которой нет выхода...

В которой я наверняка и окончу свои дни...